

А. ПОГОСКІЙ.

ШТУЦЕРНИКЪ

НИЧИПОРЪ ЗАЧИНЫ-ВОРОТЫ

И

ЕГО ПОТОМСТВО.

ИЗДАНИЕ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Съ рисунками Н. Н. Каразина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издание Н. Фену и К°.

I.

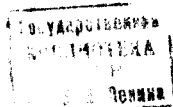
Рекрутство, служба и первый походъ Ничипора Зачины-вороты.

Что *такого* никогда не было *по спискамъ* во всей нашей арміи, объ этомъ и справляться не стоитъ; но что именно *такой* былъ на лицо въ Алексопольскомъ—бывшемъ егерскомъ—нынѣ пѣхотномъ полку, это безъ справокъ было извѣстно той храброй ротѣ, въ которой онъ состоялъ подъ именемъ «Никифора Заворотина».

Переименованіе рекрута—впослѣдствіи знаменитаго штуцерника—Зачины-вороты въ Заворотина произошло очень просто: какъ выражался ротный писарь—«во избѣжаніе излишней переписки» или «въ видахъ сокращенія оной».—Заворотинъ, по мнѣнію писаря, означало совершенно то же самое, что и Зачины-вороты, но только способнѣе къ переключкѣ. Никто этого и не оспаривалъ.

Правда, что ротные шутники подстрекнули рекрута явиться къ этому сокращателю переписки и просить исправить по списку его *хфамылю*; но писарь, выслушавъ его, сперва удивился, а потомъ захохоталъ ему въ лицо:

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 сентября 1893 г.

19747-64

— Ахъ ты, панъ Мазепа! никакъ ты галушекъ обѣлся? Вишь, что выдумалъ—скобли ему списокъ!.. Это я-то—скобли тебѣ списокъ? Ха-ха-ха!

И объяснилъ веселый писарь сконфуженному рекруту, что, во первыхъ, Зачины-вороты (запри ворота) вовсе не фамилія, а словесное приказаніе или просто насмѣшка надъ батькой или дѣдомъ его, который, вѣроятно, бѣдучи на волахъ, не запиралъ за собою воротъ, а во вторыхъ, что на царской службѣ всѣ такіа потомственные непріятности и несообразности всенепремѣнно подлежатъ исправленію.—Слышишь ты, мазница чубатая? Налѣво-кругомъ, маршъ!

Слушая объясненіе, нашъ Ничипоръ даже вспотѣлъ, повернулся налѣво-кругомъ и, встрѣченный общимъ смѣхомъ зубоскаловъ, закаялся поднимать вопросъ о своемъ прирожденномъ прозвищѣ.

Но уже вся рота знала его неудачную *претензію* и многіе кликали его, въ честь батьковщины, «Зачины-вороты» или же «Насыпь борщу», потому что онъ, по малороссійской привычкѣ, вмѣсто *налей* говорилъ иногда *насыпь*.

А почему онъ въ дѣйствительности назывался Зачины-вороты—объясняется просто. У насъ на Руси разныхъ замысловатыхъ прозвищъ, въ родѣ: Густомясовъ, Синебрюховъ, Кошкодраловъ—не въ обиду ихъ чести—множество; а у малороссовъ—еще замысловатѣе—безъ числа: Перебійность, Утри-губы, Непей-пива, даже Пивтора-кожуха и Не-зови-мене-батькой—все это самыя почтенныя фамиліи. Что же удивительнаго, что одинъ оказался Зачины-вороты?

Еще менѣе удивительно, что ученый человѣкъ,

въ родѣ писаря, исправиль—какъ онъ увѣрялъ—потомственную непріятность и перевелъ неудобное прозвище на чистый русскій языкъ. Заворотинъ—это почти то же, что и Зачины-вороты: во всякомъ случаѣ, человекъ за воротами. Чего тебѣ еще!

Гораздо хуже всего этого было то, что нашъ Ничипоръ былъ больно плохъ по фронту. Осадистый и медвѣдеватый, онъ даже послѣ полугода ученья носилъ ружье какъ вилы (тогда еще носили подъ прикладъ) и безъ церемоніи прогуливался по закаблущьямъ своихъ однорядцевъ. Особенно на маршѣ рядами—бѣда: всѣ подборы оттопчетъ.

«Держи ноги шире—экая колода!» допекали его шопотомъ во фронтѣ; но чѣмъ больше, бывало, шепчуть ему, тѣмъ хуже выходило. Какъ ни прилаживался онъ—ничего не помогало! Сперва еще идетъ—ничего, хорошо, и вдругъ не потрафить: ляпнуть однорядцу въ подборъ—разъ, другой ужъ самъ выходитъ, третій за нимъ—и замотался человекъ! Разумѣется, сейчасъ же кинетъ его въ жаръ, прикладъ въ мокрой рукѣ скользить, штыкъ заваливается—и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже! «Захлопотала хохлатчина!» шепчуть ранжирщики. И крѣпко не долюбливали они его во фронтѣ и распекали безпощадно.

Но прошелъ годъ—и непріятность какъ-то прекратилась. Никто уже не распекалъ его, все больше прималчивали. Не потому, чтобы онъ исправился въ маршировкѣ—ничуть не бывало! онъ по старому топталъ чужіе каблуки—и когда дадутъ «вольно», самъ же обругаетъ свои ноги. Но однорядцы, молча, почищать запачканныя этими ногами штанины свои, и

развѣ кто нибудь, ужь крѣпко изоближенный, промолвить, и то мягко: «да ужь, братецъ, нечего сказать—ноги!»

Это странное общее снисхожденіе къ неловкому товарищу объяснялось тоже очень просто: уже на второмъ году службы Заворотина, при смотрахъ пальбы въ цѣль, когда по барабану выходилъ онъ впередъ, то капитанъ поглаживалъ себѣ усь и даже высшее начальство произносило:

— А-а, Заворотинъ! нуко-сь!..

И медвѣдеватый егеръ приложится, точно застынетъ на прикладкѣ,—щелкнетъ курокъ—и ужь малый держитъ указку на яблокѣ мишени: врѣзаль, значить, въ самую суть.

Иногда прикажутъ: заряжай еще! И опять та же самая исторія. И любопытное начальство иногда поидетъ поглядѣть на двѣ пули въ одно сердце: обѣ сидятъ рядышкомъ, какъ двойняшки орѣха.

— Очень хорошо! благодарю! Капитанъ, берегите этого стрѣлка: это закваска роты!—и зачастую Заворотинъ получалъ отъ генераловъ кое-какіе подарки.

Вотъ почему никто въ ротѣ не былъ слишкомъ въ претензіи на неуклюжія ноги *перваго стрѣлка по дивизіи*.

А по тихому и покладливому нраву, по его безотказной услужливости, вся рота любила его и всякъ съ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ нимъ о родинѣ его и семьѣ—это была любимая бесѣда стрѣлка.

Какъ у каждого истаго малоросса, у него осталась дома *жинка* Маруся и дочка Наталка. Бывало

И медвѣдеватый егеръ приложится, точно застынетъ на прикладкѣ... (стр. 8).

развѣ кто нибудь, ужъ крѣпко изобиженный, промолвить, и то мягко: «да ужъ, братецъ, нечего сказать—ноги!»

Это странное общее снисхожденіе къ неловкому товарищу объяснялось тоже очень просто: уже на второмъ году службы Заворотина, при смотрахъ пальбы въ цѣль, когда по барабану выходилъ онъ впередъ, то капитанъ поглаживалъ себѣ усы и даже высшее начальство произносило:

— А-а, Заворотинъ! пуко-сь!..

И медвѣдеватый егеръ приложится, точно застынетъ на прикладкѣ,—щелкнетъ курокъ—и ужъ махальный держать указку на яблокѣ мишени: врѣзаль, значить, въ самую суть.

Иногда прикажутъ: заряжай еще! И опять та же самая исторія. И любопытное начальство иногда пойдетъ поглядѣть на двѣ пули въ одно сердце: обѣ спадятъ рядышкомъ, какъ двойняшки орѣха.

— Очень хорошо! благодарю! Капитанъ, берегите этого стрѣлка: это закваска роты!—и зачастую Заворотинъ получалъ отъ генераловъ кое-какіе подарки.

Вотъ почему никто въ ротѣ не былъ слишкомъ въ претензіи на неуклюжія ноги *перваго стрѣлка по дивизіи*.

А по тихому и покладливому нраву, по его безотказной услужливости, вся рота любила его и всякъ съ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ нимъ о родинѣ его и семьѣ—это была любимая бесѣда стрѣлка.

Какъ у каждого истаго малоросса, у него осталась дома *жинка* Маруся и дочка Наталка. Бывало

И медвѣдеватый егеръ приложится, точно застынетъ на прикладкѣ... (стр. 8).